

Научная статья
УДК 81'344.1, 81'372
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98
EDN: FECSSK

Денотативный и сингнификативный компоненты паронимической аттракции

Ольга Игоревна Северская

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
oseverskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

Аннотация. Статья посвящена паронимической аттракции (ПА), которую одни ученые рассматривают как феномен лексико-семантической системы языка, другие как стилистическую фигуру, третьи – как механизм, превращающий одно в другое. Автор видит в ПА семантическое отношение между словами, имеющими фоно-морфологическое сходство, потенциально представленное в языке и проявляющееся в речи как результат индивидуальной рефлексии. Поскольку ПА можно назвать номинацией «нестандартного» денотата, представленного входящими в аттракцию паронимами, паронимическая корреляция рассматривается как выразительный знак, имеющий специфические денотативные и сингнификативные характеристики. Проведя исследование на корпусе русской поэзии XX–XXI вв., автор приходит к следующим выводам. Знаком при ПА становится сама звуко-семантическая корреляция, употребляющаяся автономно, являясь и знаком, и вещью. При этом сингникат опорного наименования предопределяет сферу денотации переосмысливаемого имени. Чаще всего в аттракцию вступают конкретные и абстрактные существительные, имена собственные и «признаковые» слова – прилагательные и наречия; для всех классов слов характерна тенденция к повышению номинативной ценности и расширению денотативной способности знаков (по сравнению с общеязыковой) и формирование единого ее типа по модели общих имен (отнесение к объекту, к классу объектов, к признакам класса, к типичной денотативной ситуации). В результате формируется подвижная структура значения денотативно-сингнификативного типа; при этом смысл знака передает такой набор признаков обозначаемого объекта, который позволяет уточнить его инвариантные характеристики, релевантные в каждой конкретной ситуации. Паронимическое сочетание воспринимается как абстрактный знак, характеризующийся референтной многозначностью.

Ключевые слова: паронимическая аттракция; знакообразование; денотат и сингникат; ресемантизация; номинация; поэтический мир; семиология и семасиология

Для цитирования: Северская О. И. Денотативный и сингнификативный компоненты паронимической аттракции // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 89–98. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98>. <https://elibrary.ru/FECSSK>

Original article

Denotative and significant components of paronymic attraction

Olga I. Severskaya

Candidate of philological sciences, leading researcher, The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka St., 18/2
oseverskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

Abstract. The article is devoted to paronymic attraction (PA), which some scientists consider as a phenomenon of the lexical-semantic system of the language, others as a stylistic figure, and still others as a mechanism that turns one into the other. The author sees in PA semantic relationship between words that have a phono-morphological similarity, potentially represented in the language and manifested in speech as a result of individual reflection. Since PA can be called a nomination of a «non-standard» denotation represented by paronyms included in the attraction, paronymic correlation is considered as an expressive sign that has specific denotative and significant characteristics. After conducting a study on the corpus of Russian poetry of the XX–XXI centuries, the author comes to the following conclusions. In PA, the sound-semantic correlation itself becomes a sign, which is used autonomously, being both a sign and a thing. At the same time, the significatum of the reference name predetermines the scope of denotation of the reinterpreted name.

Most often, concrete and abstract nouns, proper names and «attribute» words – adjectives and adverbs – come into attraction; for all classes of words, there is a tendency to increase the nominative value and expand the denotative ability of signs (compared to the general language) and the formation of its single type according to the model of common names (reference to an object, to a class of objects, to class features, to a typical denotative situation). As a result, a mobile structure of meaning of the denotative-significative type is formed; at the same time, the meaning of the sign conveys a set of features of the designated object that allows clarifying its invariant characteristics relevant in each specific situation. The paronymic combination is perceived as an abstract sign characterized by referential polysemy.

Key words: paronymic attraction; sign formation; denotation and signification; resemantization; nomination; poetic world; semiology and semasiology

For citation: Severskaya O. I. Denotative and significative components of paronymic attraction. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(2):89–98. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98>. <https://elibrary.ru/FECSSK>

Вступление. Изучение паронимической аттракции (далее – ПА) имеет давнюю и увлекательную историю, которая сама по себе составляет предмет научных исследований [Кадимов 2014]. Особенностью современного этапа можно назвать переход от исследования ПА в художественной литературе к рассмотрению ее особенностей, проявляющихся в обыденной речи и массмедиа. Несмотря на это, не утихают споры о природе этого явления: одни ученые видят в нем феномен лексико-семантической системы языка [Быстрова, Левицкий, 1973; Григорьев, 1979; Векшин, 2006, 2008; Иванов, 2010; Конева, 2016; Северская, 2015; Gauthier, 1973; Guiraud 1967; Lord 1970; Valesio, 1974; Meul, 2013a,b], другие – стилистический прием или способ создания языковой игры [Лаврова, 2012; Минаева, 2017; Мощева, 2013; Priestly, 2013]. Нет единства и в определениях ПА, поэтому их стоит рассмотреть подробнее.

Н. А. Лаврова фактически приравнивает ПА к контаминации, видя в ней «случайное или ошибочное соединение, смешение сходнозвучащих слов» [Лаврова, 2012, с. 95]. Похожее определение дает Т. Пристли, в чьей концепции ПА – это «on-the-spot suggestions ‘спонтанные суггестии’» [Priestly, 2013, p. 219], что говорит о случайном, с точки зрения этого исследователя, характере паронимических корреляций. Л. В. Минаева различает «случайную» и «сознательную (продуманную)» аттракцию [Минаева, 2017, с. 80], отмечая, что «кажущаяся/случайная близость двух слов создает их взаимное притяжение и стилистический эффект» [Минаева, 2017, с. 75], проявляющийся чаще всего в малапрописмах, народной этимологии и каламбурах [Минаева, 2017, с. 76–77]. Особым выразительным средством, заключающимся в «нарочитом/преднамеренном соположении звучания или графического образа лексем»,

называет ПА С. В. Мощева [Мощева, 2013, с. 77]. Однако такой взгляд на обсуждаемое явление лишь фиксирует речевые проявления ПА, не отражая ее сути.

Ближе к ней те исследователи, которые, как С. С. Иванов, разграничивают речевые и языковые явления и видят в ПА «механизм семантизации созвучий на синтагматическом уровне и механизм „сроднения” случайных слов, подставленных в определенную модель на парадигматическом и парасинтагматическом уровнях» [Иванов, 2010, с. 6], обнаруживая источник этих процессов в языковом «бессознательном» [Иванов, 2010, с. 6]. Разделяя этот взгляд, Е. А. Конева подчеркивает мотивированность ПА конкретной речевой ситуацией и ассоциациями и мысленными представлениями, характерными для индивидуального языкового сознания, и видит в ней механизм, переводящий паронимию как многоаспектное языковое явление в речевой стилистический план [Конева, 2016, с. 42].

Основой же механизма смыслового взаимодействия этимологически не связанных слов становится «морфо-просодическое сближение» [Meul, 2013a, 213, 224, 289; ср.: Минаева, 2017, с. 81; Lord, 1970, p. 433], поддержанное морфонологическими процессами, аналогичными общезыковым [Северская, 2015]. «Отслаиваясь» от морфемы, созвучие, по выражению Г. В. Векшина, семантически намагничивается и морфологизируется, при этом одна часть звуковой цепи уже не просто «вторит» другой, ища лишь отзвуков: «одно слово „вживляет” своих агентов в другое, инверсивно „ввинчивает” элементы собственной формы в другие или, наоборот, извлекает „в преображенном виде” свое из чужого» [Векшин, 2008, с. 244; ср.: Быстрова, Левицкий, 1973, с. 596–597; Gauthier, 1973, p. 598; Valesio, p. 1014–1015].

Таким образом, ПА можно определить как процесс «паронимизации», приводящий к образованию новых смыслов и связей слов, близких в фоно-морфологическом отношении, который имплицитно языковой системой и проявляется в речи как факт индивидуальной рефлексии. Результатом так понятой ПА становится (на что обращает внимание и Е. Г. Лукашанец [Lukashanec, 2018, p. 185]) индивидуальная номинация одного и того же «нестандартного» денотата с помощью нескольких формально соотнесенных слов стандартного языка. Приняв такую точку зрения, постараемся показать свойственную ПА специфику денотата и сигнификата формируемого ею выразительного знака, выявить которую позволило исследование, проведенное на корпусе паронимических сближений в русской поэзии XX–XXI вв. с помощью методов корпусного, текстового, семантико-синтаксического и компонентного анализа.

Результаты исследования. Группу паронимов можно представить как: 1) парадигму единиц, связанных особыми семантическими отношениями; 2) цепочку знаков, обнаруживающих согласование как по выражению, так и по содержанию; 3) такое соединение знаков, сам факт которого вносит в сообщение дополнительную информацию, исходящую от нарекающего субъекта. Таким образом, ПА охватывает все три измерения знакового пространства языка: семантику, синтактику и прагматику, а основной ее функцией можно назвать знакопреобразование, служащее формированию денотативного пространства текста.

Устойчивые общеязыковые паронимические связи мотивируются отношениями, наблюдаемыми в реальной действительности, – как в синтагматике: *багровая кровь, облака клубятся, лист шелестит*, так и в парадигматике: *оклик – окрик, плач – печаль, дар – радость* (Syn), *боль – благо* (Ant). Семантическое сходство объективируется включением компонентов соответствия в одно тематическое поле и одну конситуацию. То же наблюдается и в поэтическом языке: *Иглы сосен густо и колко Устилают низкие пни* (Ахматова), – в этом случае ПА мотивирована реальностью; но и «индивидуальная» ПА строится по общеязыковой модели и осознается как семантическое отношение именно на фоне объективно присущих системе паронимических

соответствий: *Повар пробует, Обер требует. Все как следует, Все как следует* (Цветаева).

Знаком при ПА становится сама звуко-смысловая корреляция, и этот знак может быть назван автонимным, так как предстает сам в качестве и знака, и вещи (в звуковой материи текста), и сам обозначает себя, взятого как в качестве знака, так и вещи. Внеположенным, несобственным содержанием знака в его поэтическом употреблении становится форма другого знака, в результате слово выступает уже как иконический знак уподобленных ему языковых же форм; с этой стадии начинается ресемантизация слова, а функцию имени получает звукоряд. Смысл словесного знака при автонимном его употреблении способен переходить на место денотата. Этим свойством обуславливается возможность осмысления фонетической связи как связи семантической и шире – денотативной связи между обозначаемыми.

Конструкт, сочетающий в себе свойства, общие для сопоставляемых знаков, назовем знаковым «архитипом», которому соответствует денотативный «архитип», функция от передаваемых уподобленными знаками смыслов (вслед за С. Р. Вартазаряном, который различает *архитип* ‘сверхобраз’ и *архетип* ‘первообраз’ [Вартазарян, 1973, с. 155]).

Способность аттрактантов идентифицировать и характеризовать моделируемые в пространстве текста объекты определяется соотношением денотативного и сигнификативного компонентов в их семантической структуре.

Большинство аттрактантов принадлежит к разряду предметных имен с денотативно-сигнификативным значением (это конкретные существительные), способных выступать как в идентифицирующей, так и в характеризующей функции, ср.: *Я волхв, ты волк, мы где-то рядом В текучем слове земли* (Тарковский); *А если этот мальчик – моль, зачем глаза его намокли?* (Кушнер).

Основной массив в этом разряде составляют общие имена, способные обозначать как индивидуальный объект, так и класс объектов и совокупность свойств, присущих классу: *Лисы в лесах родных...* (Цветаева); *На рингах и на рынках у нас в глазах темно* (Вознесенский); *Гонит в глазницы стеклам – разбиться наверняка – / встревоженная и мокрая зебра березняка* (Парщиков) и т. п. Особую группу составляют имена-мифологемы, символическое

значение которых осознается носителями языка как устойчивое: *Пусть возьмет их ворон или ворог!* (Кульчицкий); *А над Петром воронешским – вороны...* (Ахматова), здесь: *ворон, ворона* – символ зловещего рока, гибели; *Почему молчит сверчок? Свежей песней не сверкает? Страхи не свергает?* (Соснора), здесь: *сверчок* – символ домашнего очага, благополучия в доме и т. д.

Инвариантные признаки класса денотатов общих имен проявляются и актуализируются в их синтагматических связях: 1) с абстрактными именами: *мощь – конского сердца мышца* (Цветаева), общий признак ‘сила’; *подрагиванье век и сердца содроганье* (Кушнер), общий признак ‘дрожь от боли, ужаса’; 2) с предикатными словами: *Под прорешливой сенью орехов* <...> *Колесило и рдело шоссе* (Пастернак); *Смутно брезжит сквозь березу ветка ели* (Матвеева), общий признак в обоих случаях ‘проницаемость’; 3) с отглагольными именами, которые выступают в роли предиката: *Слушай-ка, Ворона, а почему тебя зовут – Ворона? Ты не воронка?* <...> *Ты – врунья...* (Соснора); 4) с конкретными именами на основе семантических инвариантов: *Скулы, как скалы* (Матвеева), общий признак ‘крутизна’; *Ни слова о любви! Но я о ней ни слова,* / не водятся давно в гортани *соловьи* (Ахмадулина), общий признак ‘певучесть’; 5) в предикативном их употреблении в качестве однородных членов предложения: *Ты, гражданственность, флаг, а не флюгер* (Евтушенко), противопоставляются признаки ‘устойчивость’ и ‘переменчивость’.

Особый интерес представляет функционирование в тексте «сигнификативно бедных» имен натуральных классов.

Один из разрядов составляют имена природных явлений, уникальных предметов физического мира, денотат которых – скорее, феномен, а не нечто предметное, – как бы накладывается на сигнификат: *Разделены невидимой стеной, Вода и воздух смотрят друг на друга* (Кушнер). Повышению номинативной ценности таких имен способствуют ассоциативные связи с приписываемыми им семантическими предикатами: *Бабка радостною была, бабка радугую цвела* (Асеев); *Волны все-таки ленивы* (Мартынов); *Кто ищет гармонию в громе?* (Соснора). Особую значимость приобретает тот компонент сигнификативного значения, который образован суммой знаний об объекте; он открывает смысловые валентности, которые и заполняются при ПА:

Молния молча, в тучах мелькая, к окнам манила, к себе звала (Асеев).

Аналогично себя ведут имена физических, механических свойств конкретных предметов: *Есть запахи – как заповедь* (Цветаева).

Таким образом, при ПА налицо тенденция к приглушению у конкретных существительных денотативного компонента за счет повышения веса компонента сигнификативного, что позволяет представить именуемый объект сквозь призму присущих ему в различных ситуациях признаков.

Предметные имена с сигнификативным значением (абстрактные существительные), напротив, обнаруживают тенденцию к компенсации «денотативной недостаточности» смысловой структуры.

«Денотативное прочтение» абстрактного имени чаще всего определяется соответствующим предикатом: *Разве можно тоской истекать из-за каждого пустяка?* (Асеев); *У ангела ангина. Он, не жалея сил, Берег чьего-то сына, Инфекцию схватил* (Шефнер). «Овеществление» семантики достигается также соотношением с конкретными существительными: *У синевы – налет сливы* (Цветаева); *Это – волк завывает во тьме, / под кошмою кошмара завидя / по снегам зашагавшую смерть* (Асеев). Сочетание с абстрактным именем со значением структуры служит уточнению представления о денотате – мыслимом объекте, об его устройстве: *Летим в безмерии бессмертья* (Асеев); *Бродить, постигая устройство Пространства, души, ремесла* (Самойлов).

Другая тенденция выражается в приобретении именами определенных групп абстрактной лексики пропозитивного значения: *Что такое счастье? Соучастье в добрых человеческих делах* (Асеев); *Зрелость – это вид расстрела* (Евтушенко); сюда же примыкают «имена ситуаций»: *На пространство и время ладони Мы наложим еще с высоты, Но пойдем, что в державной короне Драгоценней звезда <...> нищеты, и тщеты, и заботы о нерадостном хлебе своем...* (Тарковский).

Безусловно, абстрактные имена встречаются и в «сигнификативном прочтении»: *Ты и радость, ты и страданье, И любовь моя – малый Петр* (Самойлов); *Доблести, подлости, горе, семья, Зимы и дружбы...* (Кушнер); *Амнезия, амнистия души* (Шефнер) и т. п. При таком употреблении имя может определить круг объектов, к которым оно приложимо в качестве предиката:

белизна – библейские белила (Тарковский), больница (Ахмадулина).

Таким образом, мир абстрактных сущностей, внутренний мир моделируется по образу внешнего, материального мира, восприятию абстрактных признаков, свойств, состояний сопутствует представление об их предметности, осязаемости, определенности в пространстве и времени. Денотативная способность абстрактных имен расширяется: имена с сигнификативным значением способны отсылать к мыслимым объектам, к свойствам классов предметов, подводимых под передаваемое ими понятие, а также – к типичной ситуации внеязыковой реальности.

Имена собственные относятся к разряду индивидуализирующих знаков. В языке они не имеют значения (концепта); содержание имени собственного целиком обусловлено признаками денотата.

В ПА чаще вступают те имена собственные, которые характеризуются устойчивыми коннотациями: 1) личные имена исторических деятелей, писателей, художников и т. п., воспринимаемые как обозначение некоторого явления истории и культуры в единстве личности и всего ею созданного: *Разве горький Игорь, смертью смерть поправ, Твой не красил кровью бебряный рукав?* (Тарковский); *Росли у порога Растрелли и Росси...* (Кушнер); *Россия росла под Русланову* (Евтушенко); 2) имена мифологических героев: *Каину дай раскаянье...* (Окуджава); имена литературных героев: *Как он даст Звезде превысить досяганье, Когда он – Фауст, когда фантаст?* (Пастернак); имена собственные с литературными событийными коннотациями: *Перестань, не шамань: не заманишь парня в Тамань...* (Окуджава); 3) топонимы-мифологемы: *В Америке, пропахшей мраком, камелией и аммиаком. Пыхтя, как будто тягачи, За мною ходят стукачи...* (Вознесенский); 4) имена собственные со значением пропозитивного типа: *Не до ордена. Была бы Родина с ежедневными Бородино* (Кулчицкий), здесь *Бородино* ‘сражение под Бородино, решившее судьбу России’. К этому же классу знаков могут быть отнесены и «квазисобственные имена» – названия периодов истории, эпох в развитии культуры: *Сороковые, роковые, Военные и фронтовые* (Самойлов); *Нам виделось кватроченто, и как он, искусник, смел... А было – кровотечение из горла, когда он пел* (Вознесенский).

Как видно из приведенных примеров, для имен собственных, вступающих в ПА, характер-

но преимущественно неререферентное или синкретическое употребление. Стоящий за именем собственным синкретический смысл (предметные, признаковые, событийные коннотации) восстанавливается либо в силу знания о мире: *Лик святого суров: тень Рублева и Врубель впридачу* (Мартынов); *На блокноте моем капли крови и Кинга, и Кеннеди* (Евтушенко); либо из контекста – сочетания с предикатом или именем нарицательным в предикативном употреблении, указывающими на особенности денотата и детализирующими сигнификативное содержание имени собственного: *Ипполит! Ипполит! Болит! Опалает...* (Цветаева); *Люблю пожар Парижа...* (Вознесенский); *Возникает <...> каруселью – Кюрасао* (Евтушенко).

Денотативная способность имен собственных, встречающихся в паронимическом контексте, расширяется по сравнению с общеязыковой: паронимизированное имя собственное способно быть именем класса – с ним может быть отождествлен любой объект, удовлетворяющий свойствам, приписанным имени. Иначе, наблюдается тенденция к переходу имен собственных в разряд общих имен. Одновременно, как заместители пропозиций, несущих информацию о связанных с объектом событиях, имена собственные могут выступать как обозначения определенных ситуаций.

Тенденция к гармонизации характеристик аттрактантов наблюдается и при взаимодействии предикатных слов, выступающих в функции общения о мире.

Среди прилагательных в ПА чаще вступают относительные 1) со значением притяжательности: *Азбучный арбуз* (Парщиков), здесь прилагательное *азбучный* ‘общеизвестный, простой’ указывает на сферу, в которой встречается определяемый объект: изображение арбуза – неприменный атрибут азбуки, иллюстрация к букве «А»; 2) со значением классифицирующего признака класса объектов в сочетании с прилагательным, уточняющим сущностное свойство выделенного объекта: *Раковинный сокровенный свод...* (Цветаева); *Зимний изумленный воздух* (Пастернак); 3) в функции указания на особый предмет/явление: *Глядит осенняя оса В оконное стекло – Ее иссякли чудеса И время истекло; Нет жалче и страшней осенних ос* (оба примера – Мориц); в этом случае прилагательное характеризует предмет не через отношение к какой-либо предметной области, а называет его самостоятельным признаком, т. е. приобретает от-

тенок «качественности».

Качественные прилагательные, как правило, характеризуют предмет с разных сторон, обозначая его сущностные признаки и признаки внешние, служащие отражением первых. При этом прилагательное может употребляться в «синкретическом» значении: *Последний луч, и желтый, и тяжелый* ('имеющий большой вес' и 'тягостный, мрачный, гнетущий' – О. С.), *застыл в букете ярких георгинов* (Ахматова); *Ветер чистый* ('незагрязненный, без примесей' и 'нравственно безупречный' – О. С.), *ветер честный* (Мориц).

Наречия – один и наименее используемых в ПА семантических подклассов. В сферу паронимического влияния попадают наречия, уточняющие: 1) признаки предиката: *Хан Гирей коварно и кроваво правил* (Соснора); 2) признаки субъекта: *Все детство мое, по-блаженному жалкое...* (Тарковский); 3) признаки предмета через его действие: *И круто, и крупно, светя вдалеке, Скатила «преступно» слеза по щеке* (Евтушенко), либо, 4) в сочетании с прилагательным, указывающие на единство состояния предмета и вызвавшей это состояние причины: *Под низким небом, тяжелей свинца, усталая вода сияет тускло* (Самойлов). Особую группу составляют наречия с семантикой пространственной и временной ориентации, которые выполняют скорее функцию указания в языковом пространстве текста.

Во взаимодействии глагольных лексем обращает на себя внимание тенденция к употреблению глаголов одной смысловой модели. Так, в паронимическом контексте сочетаются: 1) субъектные глаголы: *Я столько раз мерцал и умирал...* (Кушнер); *Ты мечешься, ты мучишься, грустишь...* (Евтушенко); 2) объектные и субъектно-объектные глаголы: *Забывают, забывают – Будто сваи забывают, чтобы строить новый дом* (Шефнер); *В далекие веки привелся к ней И крепко привился мой корень* (Мориц); 3) объектно-субъектные и субъектные глаголы, значения которых связаны отношениями импликации: *Редели их ряды и убывали. Их убывали, их позабывали* (Окуджава); *И степь ворочалась, как пчела без крыльев, Бежала – пчелой ужасенное дитя!* (Парщикова).

В большинстве случаев в ПА вступают предикаты одного семантического типа: 1) обозначающие ситуации: *Утро брезжит, а дождик брызжет* (Слущкий); 2) процессы: *Так значит, и впрямь Всю жизнь удаляется, а не длится Любовь, удивленья мгновенная дань?* (Пастернак); 3) события: *Все слова выстроить –*

нелегкий срок, Как зиму выстоять, хоть и знакома... И почве выстрелить свой стебелек... (Окуджава). Кроме того, предикаты могут обозначать взаимосвязанные «положения дел», например, процесс и событие, его завершающее: *Свет брызжал до зари, И забрезжившим утром потух* (Пастернак); *Как раздаривались листья, Чтоб порадовался глаз!* (Окуджава).

Наименее пригодными для установления паронимических отношений оказываются глаголы с семантикой конкретного действия; вступая в ПА, они обретают новое, скорее символическое значение, тем самым переходя в иной семантический разряд: *Здесь каждый что-то строил, пел, лепил...* (Матвеева).

Что касается дейктических знаков, то при ПА отчетливо прослеживаются две тенденции: во-первых, в ПА вступают дейктики, обнаруживающие, при отсутствии речевой ситуации «антецедент-субститут», способность к «автосемантическому» обозначению объекта в речевом пространстве; во-вторых, приоритет принадлежит дейктикам субъективной ориентации, фиксирующим образ восприятия мира. Наиболее предрасположены к ПА дейктические слова, моделирующие отношения во внутреннем/внешнем мире «я» (соответствующие «я» глубинному/образу «я»), либо отношения «я» в составе «мы»: семантически сложные формы личного дейксиса, обозначающие некоторое множество, допускающее разные варианты внутренней структуризации – *мы, они, другие* и т. п.; к этому же разряду могут быть отнесены слова релятивной семантики, способные указывать на «я» как личность (*тело, тень*), либо на связи, которые «я» считает для себя неотторжимыми (*друг*). Например, у М. Цветаевой: *Хотеть – это дело тел, А мы друг для друга – души Отныне... <...> Хотеть – это дело тех, А мы друг для друга – тени Отныне...*, в ПА задействовано противопоставление *те, тела vs. тени (души = мы)*. Можно привести и другой пример – прозрачный, не требующий комментария: *Сегодня вспомнил я, что друга позабыл, Который мне других дороже был* (Шефнер); *Она (жизнь – О. С.) теперь с другими дружбу водит И улыбается другим. <...> И льнет не к нам, а к ним* (Кушнер).

К дейктическим средствам в широком смысле могут быть отнесены и полнозначные слова, способные указывать на некоторое пространство или промежуток времени, которые определяют основные хронотопические координаты мира, создаваемого текстом: *Вечер ее вековечно про-*

длится (Пастернак); *И от встречи нашей за версту...* (Васильев). Чаще всего в ПА вступают наречия с семантикой пространственно-временной ориентации: *Поздно и порознь – вот наш брак!* (Цветаева); *А я иду – за мной беда, Не прямо и не косо, А в никуда и в никогда, Как поезда с откоса* (Ахматова); *Едва пером дотронуся До трепетных страниц, Как вниз летят мои мечты На крыльях птичий чучел, Когда хотели бы лететь В зенит – на крыльях птиц* (Матвеева). Тенденция к привлечению в сферу дейксиса полнозначной лексики свидетельствует от расширении денотативной способности знаков этого типа, стремлении ее к многомерности.

Связочные знаки, в силу своей семантической ненаполненности, в ПА практически не участвуют. Исключение составляют предлоги с яркой «внутренней формой», имеющие достаточно определенное значение и способные вызывать представление о вполне определенной ситуации: *Струенье... Сквозенье... Сквозь трепетов мелкую вязь...* (Цветаева); *И себя не пожалеют Ради Родины в бою* (Самойлов).

Итак, во всех семантических классах наблюдается тенденция к повышению номинативной ценности и расширению денотативной способности знаков (по сравнению с общеязыковой) и формирование единого ее типа по модели общих имен (отнесение к объекту, к классу объектов, к признакам класса, к типичной денотативной ситуации). В результате у паронимов формируется подвижная структура значения денотативно-сигнификативного типа; при этом смысл знака передает такой набор признаков обозначаемого объекта, который позволяет уточнить его инвариантные характеристики, релевантные в каждой конкретной ситуации. Иными словами, паронимическое сочетание воспринимается как абстрактный знак (знаковый архитип), характеризующийся референтной многозначностью.

Обратим теперь внимание на семантическую структуру слов, вступающих в ПА, и на роль тех или иных ее компонентов.

Под значением слова обычно понимается информация о классе денотатов. В самом значении выделяются область интенционала – структурированной совокупности семантических признаков, обязательных для класса денотатов, и область импликационала – периферии семантических признаков, имплицитных интенциональными характеристиками.

Основным компонентом, определяющим возможность осуществления ПА, становятся входящие в область импликационала значения ассоциативные репрезентативные семантические признаки, соотносящиеся с потенциальными, не обязательно релевантными, свойствами объекта и предопределяющие возможность необычных сочетаний слов, сдвигов значений и т. п. Основу этого компонента семантической структуры слова составляют представления о функциональном поле обозначаемого объекта.

Покажем это на примерах.

1. *Мир накренился, Мир накалился. Порохом споров он полон, как гильза* (Евтушенко); *Я изобрел пылинку, порох, прах, Ничтожный порошочек для забавы* (Самойлов).

В первом случае возможность семантического сближения определяется согласованием классифицирующего признака ‘взрывчатое’ в значении слова *порох* с потенциальными семами, присутствующими в значении слова *спор*. Последние перемещаются в поле интенциональных признаков.

Во втором случае значительно больший вес приобретают репрезентативные признаки: в основе корреляции *порох – порошок* лежит представление о консистенции вещества, а корреляции *порох – прах* (ср.: *порох – пылинка*) – представление о кажущейся ничтожности. Происходит перегруппировка семантических компонентов, потенциальные семы переходят в разряд классифицирующих, а сема ‘взрывчатое’ становится потенциальной (*порох ‘потенциальный очаг войны, причина смерти’*).

2. *Я в опыте, как будто бы в броне, И пуля, корча из себя пиллюлю, Наткнется, как на медальон, на пулю, Давно уже сидящую во мне* (Евтушенко).

Семантическое сближение обеспечивает совпадение классифицирующих сем в значениях слов *пуля* ‘небольшой снаряд в виде шарика’ и *пиллюля* ‘медикамент в форме шарика’. Однако гораздо важнее противопоставление потенциальных сем, связанных с представлением об основной функции предмета: *пуля* существует, чтобы убивать, *пиллюля* – чтобы лечить, сохранять жизнь.

3. *Белый крест на обрыве торчит. За него зацепился случайно Бездомный геологов дым* (Шкляревский); *О, сколько мудрости у басен, – Веками скоплен ум, как мед!* (Винокуров); *Под ногой пресмыкался песок* (Парщиков).

В этих примерах повышение ранга потенциальных сем обусловлено «ситуативным видением» предмета: *дым* – атрибут *дома*, символ домашнего очага; *мед* собирается пчелами по каплям, с трудом, и процесс этот составляет «смысл жизни» пчелы (ср. *мудрость* ‘глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт’); *песок* сыпуч, способен перемещаться, напоминая движения *пресмыкающегося*, здесь важен мотивирующий зрительный образ (но одновременно акцентируются семы, связанные с представлением о *песке* как о чем-то ничтожном, *пресмыканием* как самоуничижением).

Таким образом, содержание знака – понятие и информация о денотате – оказывается расчлененным; отношение между компонентами расчлененного содержания предстает как процесс перехода от одного к другому – «внутренней предикации» [Вартазарян, 1973, с. 69–70]. Свойство «внутренней предикации» знака основывается на склонности значений слов в первичной номинативной функции (а именно они составляют основной массив аттрактантов) к обогащению признаками денотативного класса, которые и мотивируют возможные сдвиги значения.

Заключение. Приведенный анализ позволяет определить условия, стимулирующие ПА и связанные с ней номинативные процессы.

Одним из существенных моментов является согласование семиологических характеристик аттрактантов (повышение номинативной ценности уподобленных знаков, ориентация их смысловой структуры на денотативно-сигнификативный тип значения, формирование единого типа денотативной способности знаков по модели общих имен).

За счет привлечения к ПА полнозначной лексикой достигается семантическое насыщение номинативного контекста, то есть создается поле устойчивых семантических признаков, определяющих возможные переосмысления значений.

Повышение номинативной ценности коррелирующих знаков за счет введения в ядро значения репрезентативных семантических признаков способствует формированию подвижной структуры значения денотативно-сигнификативного типа. Таким образом облегчается процесс «внутренней предикации» знака – перехода от понятия к информации о денотате, реальном или мыслимом; тем самым становится возможным выделе-

ние некой предметной области интенционального мира и понятийной, смысловой области, определяемой представлением о ней. Кроме того, значение, характеризующееся подвижной структурой, может выступать как «внутренняя форма» отрезков текста, в которых предикация знаков еще не распределена в субъектно-предикатную форму.

Другим следствием согласования семиологических характеристик является формирование «референтной многозначности» аттрактантов: знаки, вступающие в ПА, оказываются способными представить конкретный объект сквозь призму совокупности его инвариантных характеристик, выступая как в идентифицирующей, так и в характеризующей функции, что в значительной мере расширяет возможности их семантического согласования.

В семантико-синтаксическом контексте выявляется пересечение/согласование семантических комплексов паронимов, а следовательно, определяется та область сигнификата, которая задает ракурс переосмысления структуры отношения именования и обуславливает согласование десигнагов коррелирующих слов. В результате становится возможным выделить семантический компонент, объединяющий паронимическое сочетание и составляющий смысловое содержание соответствующего знакового архитипа.

Библиографический список

1. Быстрова Л. В., Левицкий В. В. Фонетическое сходство семантически связанных слов // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Bd. 26. Hft. 6. Berlin : Akademie-Verlag, 1973. S. 501–601.
2. Вартазарян С. Р. От знака к образу. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1973. 199 с.
3. Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста. Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. Москва : Изд-во МГУП, 2006. 461 с.
4. Векшин Г. В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 90. С. 229–250.
5. Григорьев В. П. Поэтика слова. Москва : Наука, 1979. 343 с.
6. Иванов С. С. Лингвистический статус и функциональные возможности паронимии в системе современного английского языка. Нижний Новгород, 2010. 21 с.
7. Кадимов Р. Г. Об историографии паронимической аттракции // *Евразийский Союз Ученых*. 2014. № 7-8. С. 46–48.

8. Конева Е. А. Паронимия – паронимазия – паронимическая аттракция: к трактовке понятий // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 39–43.

9. Лаврова Н. А. Контаминация и паронимическая аттракция // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 93–99.

10. Минаева Л. В. Лексикология и лексикография английского языка. English lexicology and lexicography : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2017. 225 с.

11. Мощева С. В. Паронимическая аттракция как средство графической экспрессии (на материале текстов масс-медиа) // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 1. С. 76–78.

12. Северская О. И. Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте // Основные тенденции развития поэтического языка в XX–XXI вв. / отв. ред. Н. А. Фатеева. Москва : ИЦ «Азбуковник», 2015. С. 20–107.

13. Gauthier M. Les équations du langage poétique / Thèse du Docteur d'Etat. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

14. Guiraud P. Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage. Paris, Larousse, 1967. 211 p.

15. Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. Actes du X-e Congrès International des Linguistes. Bucarest, 1970, vol. II, pp. 433–441.

16. Lukashanec A. G. The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination // Liashchova L. (ed.). The Explicit and the Implicit in Language and Speech. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 327 p. P. 179–189.

17. Meul C. The Romance Reflexes of the Latin Infixes -I/ESC- and -IDI-: Restructuring and Remodeling Processes. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013a. 327 p.

18. Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism // Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2013b. P. 68–94.

19. Priestly T. S. M. One idiosyncratic strategy in the acquisition of phonology // Vihman M., Keren-Portnoy T. (eds.). The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 217–237.

20. Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules // Proceedings of the XI Int. congress of linguists. Bologna: II Milano, 1974. P. 1006–1016.

Reference list

1. Bystrova L. V., Levickij V. V. Foneticheskoe shodstvo semanticheski svjazannyh slov = Phonetic similarity of semantically related words // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 26. Hft. 6. Berlin : Akademie-Verlag, 1973. S. 501–601.

2. Vartazarjan S. R. Ot znaka k obrazu = From sign to image. Erevan : Izd-vo AN ArmSSR, 1973. 199 s.

3. Vekshin G. V. Oчерк фоностилистики текста. Zvukovoj povtor v perspektive smysloobrazovanija = An outline of text phonostylistics. Sound repetition in terms of meaning-making. Moskva : Izd-vo MGUP, 2006. 461 s.

4. Vekshin G. V. Metafonija v zvukovom povtore (k pojeticheskoj morfologii slova) = Metaphony in sound repetition (to poetic word morphology) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 90. S. 229–250.

5. Grigor'ev V. P. Pojetika slova = Word poetics. Moskva : Nauka, 1979. 343 s.

6. Ivanov S. S. Lingvisticheskij status i funkcional'nyevozmozhnosti paronimii v sisteme sovremennogo anglijskogo jazyka = The linguistic status and functional potential of paronymy in the system of modern English. Nizhnij Novgorod, 2010. 21 s.

7. Kadimov R. G. Ob istoriografii paronimicheskoi atrakcii = On historiography of paronymic attraction // Evrazijskij Sojuz Uchenyh. 2014. № 7-8. S. 46–48.

8. Koneva E. A. Paronimija – paronomazija – paronimicheskaja atrakcija: k traktovke ponjatij = Paronymy – paronomasia – paronymic attraction: on the interpretation of the concepts // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja komunikacija. 2016. № 2. S. 39–43.

9. Lavrova N. A. Kontaminacija i paronimicheskaja atrakcija = Contamination and paronymic attraction // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2012. № 3. S. 93–99.

10. Minaeva L. V. Leksikologija i leksikografija anglijskogo jazyka. English lexicology and lexicography : uchebnoe posobie dlja bakalavriata i magistratury. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Jurajt, 2017. 225 s.

11. Moshheva S. V. Paronimicheskaja atrakcija kak sredstvo graficheskoi jekspressii (na materiale tekstov mass-media) = Paronymic attraction as a means of graphic expression (on the material of mass media texts) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 76–78.

12. Severskaja O. I. Paronimicheskaja atrakcija kak fenomen mezhurovnevnogo vzaimodejstvija v jazyke i tekste = Paronymic attraction as a phenomenon of interlevel interaction in language and text // Osnovnye tendencii razvitija pojeticheskogo jazyka v XX–XXI vv. / отв. ред. Н. А. Фатеева. Moskva : IC «Азбуковник», 2015. S. 20–107.

13. Gauthier M. Les équations du langage poétique / Thèse du Docteur d'Etat. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.
14. Guiraud P. Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage. Paris, Larousse, 1967. 211 p.
15. Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. Actes du X-e Congrès International des Linguistes. Bucarest, 1970, vol. II, pp. 433–441.
16. Lukashanec A. G. The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination // Liashchova L. (ed.). The Explicit and the Implicit in Language and Speech. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 327 p. P. 179–189.
17. Meul C. The Romance Reflexes of the Latin Infixes -I/ESC- and -IDI-: Restructuring and Remodeling Processes. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013a. 327 p.
18. Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism // Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2013b. P. 68–94.
19. Priestly T. S. M. One idiosyncratic strategy in the acquisition of phonology // Vihman M., Keren-Portnoy T. (eds.). The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 217–237.
20. Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules // Proceedings of the XI Int. congress of linguists. Bologna: Il Milano, 1974. P. 1006–1016.

Статья поступила в редакцию 24.13.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 24.13.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022